

Когда на следующий день Цзян Сяомэй прибиралась в доме, она обнаружила, что одежда, которую Цзян Син носил вчера, была забрызгана кровью.

Удивлённая Цзян Сяомэй немедленно ворвалась в его комнату, и разбудив сына, спросила:

— Синсин, как далеко ты зашёл прошлой ночью? Ты ведь не убивал людей, не забивал их до смерти и не калечил?

«Этим людям не стоило попадать я ему под руки!»

Цзян Сяомэй почувствовала сожаление.

Цзян Син всё ещё был сонным и, бормоча, открыл глаза:

— Как такое возможно? Сейчас праздники; Я не хочу провести Новый год в тюрьме.

— Что же произошло? — спросила его Цзян Сяомэй, указывая на пятна крови.

— Это кровь Хун Ли, а не моя. Он ударил меня головой во время драки, и на неё попало немного крови. Я только преподавал им урок, с ними всё будет хорошо. Не волнуйся, мама.

Только тогда Цзян Сяомэй почувствовала облегчение.

Цзян Син улыбнулся, вытащил из-под подушки стопку банкнот в сто юаней и гордо сказал:

— А ещё я принёс их.

Хун Синго хранил пять тысяч юаней наличными, как свою собственную жизнь. Он даже использовал кусок ткани, чтобы обернуть их.

Когда Цзян Син пошёл за ними в темноте, Хун Синго подумал, что встретил грабителя. Он отчаянно защищал пять тысяч юаней, думая, что кто-то пришёл ограбить их.

Цзян Син согласился с его предположениями и украл свои деньги. Но Хун Синго и его сын Хун Ли были людьми, которые любили деньги больше, чем свою жизнь. Ему не удалось вернуть всё, лишь около тысячи юаней.

Цзян Син был очень доволен таким исходом.

Цзян Сяомэй тоже была счастлива и с радостью пошла готовить.

Цзян Сяомань встала последней. Её биологические часы обычно были похожи на часы Цзян Сяомэй. Когда просыпается бабушка, она тоже встаёт. Но вчера она испугалась и ей приснился кошмар. Она была не в хорошем настроении, поэтому утром немного повалилась постели.

— Выпей это, — Цзян Сяомэй увидела, что она неуверенно выходит из комнаты, и протянула ей миску с яйцом, смешанным с коричневым сахаром, чтобы ослабить её шок.

Цзян Сяомань ничего не сказала; она подняла голову и проглотила всё сразу. На её белых нежных губах осталось пятнышко, которое Цзян Сяомэй стёрла.

— Бабушка, — Цзян Сяомань наконец почувствовала себя более энергичной и невежественно спросила: — Что такое дикий ребёнок?

— Ах... это... — улыбка Цзян Сяомэй стала жёстче и прокляла дуэт отца и сына тысячи раз.

Хотя Цзян Сяомань была всего лишь ребёнком, её ум был очень тонким и чувствительным. Она плакала полдня даже из-за Большого Цветка и Маленького Цветка. Обычно Цзян Сяомэй не говорила ей таких слов.

Цзян Сяомэй выглядела смущённой, не зная, какие слова использовать чтобы ответить. Но она не знала, что Сяомань видела её выражение лица, что подтвердило её догадку.

Один, два, три...

Её рот сжался и через мгновение начали падать золотые бобы¹.

— У-у-у... Я знаю, бабушка меня больше не любит. Ты хочешь отвезти меня в горы, чтобы я стала дикой обезьяной, ву-ву. Я всего лишь ребёнок, которого никто не любит.

Цзян Сяомань жалобно плакала.

Она плакала и хотела вернуться в дом чтобы собрать узел, так грустила, что думала о том, чтобы сбежать из дома.

Цзян Сяомэй была ошеломлена на мгновение, затем она взяла ребёнка на руки и спросила её:

— Кто тебе сказал, что бабушка тебя больше не любит? Бабушка любит тебя больше всех.

Цзян Сяомань прижалась к ней и сказала:

— Прошлой ночью мне приснился сон. Бабушка сказала, что я слишком дикая и непослушная;

ты хочешь, чтобы я была дикой обезьяной. Дикие обезьяны – дикие дети. Бабушка меня больше не хочет...

Цзян Сяомань долго-долго думала об этом прошлой ночью, но не могла понять этого, поэтому ей приснился кошмар. Так сказала бабушка во сне.

— ...

«Что это, чёрт возьми, было.»

¹Золотые бобы = слёзы.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/47684/1550081>